
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322730 3

EX LIBRIS
de SAVITSCH
19 48
1948
Paris

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ГАМАЮНЪ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

СТОКХОЛЬМЪ
СѢВЕРНЫЕ ОГНИ

J. Issoienkel.
1942.

paris.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ГАМАЮНЪ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

СТОКХОЛЬМЪ
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
1921

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»
ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ
И. А. ЛУНДЕЛЯ и Е. А. ЛЯЦКАГО

Типо-литографія
Акц. о-ва Хассе В. Тульбергъ
1921

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

На Макарійскихъ островахъ,
Куда не смотрятъ наши страны,
Куда не входятъ смерть и страхъ,
И не доходятъ великаны, —

На Макарійскихъ островахъ
Живутъ безъ горя человѣки,
Тамъ въ изумрудныхъ берегахъ
Текутъ пурпуровыя рѣки.

Тамъ камни цѣнные цвѣтутъ,
Тамъ все въ цвѣтеньи вѣчно-юномъ,
Тамъ птицы райскія живутъ,
Волшебный Сиринъ съ Гамаюномъ.

И если слышимъ мы во снѣ
Напѣвъ, который многолиренъ,
Въ тотъ часъ, въ блаженной той странѣ,
Поетъ о счастьи свѣтлый Сиринъ.

И если звономъ нѣжныхъ струнъ
Ты убаюканъ, засыпая,
Такъ это птица Гамаюнъ
Поетъ въ безвѣстномъ, голубая.

ЗОВЪ.

Я овѣянъ дыханьями многихъ морей,
Я склонялся надъ срывами горъ,
Я молился вѣтрамъ: „О, скорѣе, скорѣй,“
Я во всемъ уходилъ на просторъ.

Я не знаю цѣпей, я не вѣдаю словъ
Возбранить чьи бъ то ни было сны,
Я для злѣйшихъ враговъ не хотѣлъ бы оковъ,
А желалъ бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнѣе скорбей
На разгульномъ пиру бытія,
Я овѣянъ дыханьями вольныхъ морей,
Будьте вольными, братья, какъ я!

ЗЛАТОЙ ТКАЧЪ.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ глазахъ — лазурь.
Надъ глубокою водой
Ты дышалъ рожденьемъ бурь.

У тебя вѣнецъ златой,
Очи — свѣтлый изумрудъ.
Въ сердцѣ — пламень молодой,
Въ мысляхъ — горлицы поютъ.

Нашей Утренней Звѣздой,
Нашимъ Солнцемъ ты рожденъ.
У тебя вѣнецъ златой,
А въ очахъ — мудреный сонъ.

Къ намъ Вечернею Звѣздой,
Къ намъ Луною ты введенъ.
У тебя вѣнецъ златой,
Вкругъ тебя не молкнетъ звонъ.

Свѣтлый лукъ возьми — и стой,
Сердце каждаго — какъ лань.
Ты стрѣлою золотой,
Ты стрѣлой пѣвучей рань.

Будь намъ Утренней Звѣздой,
Солнцемъ жги, и Солнцемъ встань.
Всѣмъ намъ нуженъ ткачъ златой,
Чтобъ соткать златую ткань.

У тебя вѣнецъ златой,
У тебя въ очахъ — намекъ.
Надъ Землей и надъ Водой
Ты поставилъ свой станокъ.

СВИРѢЛЬНИКЪ.

Онъ Пророкъ и онъ Провидецъ, онъ Свирѣльникъ и Пѣвецъ,
Онъ испилъ священной крови изъ раскрывшихся сердецъ.

Онъ отвѣдалъ меда мыслей, что какъ вишенье цвѣли,
Что какъ яблоня свѣтились, и желаньемъ сердце жгли.

Въ бѣломъ свѣтѣ, въ аломъ цвѣтѣ, въ синемъ, въ желто-
золотомъ,
Былъ онъ въ радугахъ вселенскихъ освѣщенъ огнемъ и
льдомъ.

Заглянулъ онъ въ голубую опрокинутость зеркалъ,
Слышалъ шопоты столѣтій, и нашелъ, чего искалъ.

Семиствольную цѣвницу онъ вознесъ, поетъ свирѣль,
Вѣковую онъ гробницу превращаетъ въ колыбель.

Торопитесь, насладитесь полнопѣвною волной,
Нарядитесь, освятитесь Моремъ, Солнцемъ, и Луной.

Въ стройномъ хорѣ дышитъ Море, въ кругѣ — блески всѣхъ
свѣтилъ,
Прикоснитесь въ разговорѣ къ собесѣдованью Силъ.

ГУСЛЯРЪ.

Невеликая обида,
Если кто меня не хвалитъ,
У меня зато есть гусли,
И въ душѣ поетъ смычокъ.
Эти гусли — отъ Давида,
И ужъ разъ ладья отчалитъ,
Самъ не вѣдаю, вернусь ли,
Богъ уводитъ мой челнокъ.

Звонки въ сердцѣ голубиномъ
Зовы горлицъ, ихъ журчанье,
Стройно ангельское пѣнье,
Я увѣровалъ въ себя.
Духъ владѣетъ Божьимъ сыномъ,
Въ каждомъ цвѣтикѣ — вѣщанье,
А меня несетъ теченье
Тамъ, гдѣ весны ждутъ, любя.

Такъ и ждутъ и не проходятъ,
Отъ Апрѣля и до Мая,
Чуть посмотрятся въ Іюнѣ,
И опять глядятъ въ Апрѣль,
И цвѣточно звоны бродятъ,
Перекличка голубая,
Словно въ птицѣ Гамаюнѣ
Разыгралася свирѣль.

Разблажились и гуторятъ,
Словно море морю вторятъ,
Разыгравшіяся гусли,
Отъ цвѣтка къ цвѣточку вздохъ.
И не ссорятся, не вздорятъ,
Лишь въ любви любовью спорятъ,
Я уплылъ въ напѣвъ — вернусь ли,
Это вѣдаетъ лишь Богъ.

ВОЛХЪ.

Мы Славяне — Дѣти Волха, а отецъ его — Словенъ,
Мы всегда какъ будто тѣ же, но познали смыслъ измѣнъ.

Прадѣдъ нашъ, Словенъ могучій, побѣдительный былъ змѣй,
Змѣйно стелется ковыль нашъ въ неоглядности степей.

Волхъ Всеславичъ, многоликій, оборачиваться могъ,
Волкомъ рыскалъ, былъ онъ соколъ, туръ былъ красный,
златорогъ.

Солнцеликій, змѣегибкій, бѣсомудрый, чародѣй,
Онъ отъ женщины красивой насъ родилъ, крылатыхъ змѣй.

Самъ отъ женщины красивой и отъ змѣя былъ рожденъ,
Такъ гласитъ объ этомъ голосъ отдалившихся временъ.

Молода княжна гуляла, расцвѣталъ весенній садъ,
Съ камня змѣй скочилъ внезапно, изумрудный свѣтитъ
взглядъ.

Вьется лентой переливной, прикоснулся бѣлыхъ ногъ,
Льнетъ къ чулочику шелкову, бьетъ сафьянный башмачекъ.

Бѣлизну ноги лаская, затуманилъ, опьянилъ.
И содвинулись недѣли, Волхъ рожденъ прекрасной былъ.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубина,
Съ Солнцемъ краснымъ въ Небѣ вмѣстѣ закраснѣлася Луна.

И отъ рыбъ по Морю тучи серебристыя пошли,
И летѣли птицы въ Небѣ, словно дымъ стоялъ вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синихъ горъ,
Зайцы, волки, и медвѣди все тревожатся съ тѣхъ поръ.

И протяжно на озерахъ кличетъ стая лебедей,
Ибо Волхъ родился въ мірѣ, соколъ, волкъ онъ, туръ, и змѣй.

Оттого и вѣщій Волховъ именитъ среди стихій,
Чародѣемъ онъ зовется, вѣковой рѣчной нашъ змій.

И по сушѣ, и по Морю, всюду въ мірѣ, далеко
Прозвучитъ въ столѣтьяхъ пѣсня про богатаго Садко.

СѢВЕРНЫЕ.

Мы поемъ о Скандинавахъ. Точно, смѣлы Скандинавы.
Много грабили, все къ Югу шли они отъ бѣлыхъ льдовъ.
И на Западѣ далекомъ свѣтъ нашли широкой славы,
Предвосхитили Колумба за четыреста годовъ.

Межъ такихъ предѣловъ разныхъ, какъ глухое Заонежье
И Атлантика съ Винландомъ, свѣтлый Кіевъ и Царьградъ,
Чайки Норги пролетѣли лабиринты побережья,
И о викингахъ донынѣ волны Моря говорятъ.

Даже въ эту современность, Скальдъ сѣдой и величавый
Опрокинулъ всѣ оплоты мелкомыслящихъ людей,
Показалъ, припомнивъ древность, что не меркнутъ Скандинавы,
Башня Сольнеса надменна, Майя — въ заревѣ страстей.

Гордымъ воронамъ — хваленье, Скандинавамъ память наша
Вознесетъ охотно пѣсню, свѣтелъ Одинъ, мощенъ Торъ.
Но да вспѣнится разгульно и еще другая чаша,
Въ честь Славянъ, и въ честь Перуна, знавшихъ, знающихъ просторъ.

Разметать чужія риги, растоптать чужія гумны
Люди Сѣвера умѣли, какъ и мы, пьянясь бѣдой.
Но предъ ними-ль будутъ падать — тайновидецъ нашъ безумный,
И кудесникъ Русской рѣчи, Пѣснопѣвецъ нашъ Златой!

Прикоснувшись къ преступленью, мы раздвинули границы,
Перебросивъ дерзновенье до истоковъ Божества.
Мы въ степяхъ бѣжимъ какъ кони, мы въ степяхъ летимъ
как птицы,
Посягнувши, посягаемъ, знаемъ вѣщія слова.

И любиться, цѣловаться, кто умѣетъ, какъ Ярило?
Въ благородствѣ и въ размахѣ превзошелъ ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавамъ! Да шумитъ въ моряхъ вѣтрило!
Честь Славянамъ! Пью за Сѣверъ, пью за Родину мою.

ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХЪ.

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа — поле, слѣва — лѣсъ,
Много тутъ и тамъ чудесъ.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной,
Не одинъ стоитъ, ихъ два,
И ростетъ, поетъ трава.

Тотъ, направо, свѣтлый онъ,
Словно день воспламененъ.
А другой еще свѣтлѣй,
Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ — хорошъ какъ тишь,
Какъ загрезившій камышъ.
У другого же глаза —
Грозовая бирюза.

И одинъ свѣтло поетъ,
Какъ напѣвность тихихъ водъ.
А другой — молчитъ, молчитъ,
И какъ къ битвѣ закричитъ.

И одинъ крыломъ взмахнетъ.
Шестимолнійно сверкнетъ.
И внезапно для очей —
Триста огненныхъ ночей.

Справа — поле, слѣва — лѣсъ,
Живо поле, лѣсъ воскресъ.
Свѣтелъ день, и ночь свѣтла,
Богу вѣчному хвала.

ВѢНЧАННЫЕ.

Въ саду проходитъ юный,
Съ нимъ рядомъ молодая.
Въ вѣтвяхъ звенятъ имъ струны,
Ручей, съ камней спадая,
Поетъ, поетъ, поетъ,
Въ цвѣтахъ имъ свѣтлый медъ.
Невѣста — Полночь Мая.
Женихъ, онъ кто? Узнай.
Онъ День, а можетъ, Май?

На немъ одежды красны,
На ней одежды черны.
Но оба такъ согласны,
Взаимности покорны.
Цѣлуетъ онъ ее,
„Ты все, ты все мое“.
Ея мечты узорны,
Какъ брилліантъ, она
Въ оправѣ черной сна.

Женихъ — свѣтловолосый,
Глаза его — зелены,
У ней же черны косы,
Глаза ея — затоны.
Въ нихъ свѣтлая печаль

Прозрачнѣй, чѣмъ хрусталь.
Въ саду проходятъ звоны,
Поютъ цвѣты, дыша: —
„Влюбленность хороша“.

Весь Май процѣловались,
Въ Іюнь зашли, не зная,
Заря съ зарей встрѣчались,
Любовниковъ встрѣчая.
И свѣтъ вошелъ во тьму,
И, все отдавъ ему,
Блѣднѣя, Полночь Мая
Съ Іюньскимъ нѣжнымъ днемъ
Растаяла огнемъ.

РАЗСВѢТЪ.

Съ первымъ птичьимъ крикомъ Ночь сломалась,
Зеркало хрустальное разбилось,
Травы зашептались, чуть шурша.
Въ озерѣ все Небо отражалось,
Полночь въ безглагольномъ отразилась,
Тихая въ безгласномъ задержалась,
Капли звѣздъ изъ звѣзднаго ковша.

Но рука незримая качнулась,
Звѣздное качнула коромысло,
Капля съ Неба свѣялась къ землѣ,
И одна былинка шевельнулась,
Измѣнивъ серебряныя числа,
Вся сребристость въ числахъ пошатнулась,
Птицу разбудивъ въ росистой мглѣ.

Вскрикнула, и съ легкимъ этимъ свистомъ
Цѣлый замокъ рушился молчанья,
И раздался всюду тонкій звонъ.
Птичій хоръ напѣвомъ голосистымъ
Двинулъ звуковыя колебанья,
Шевельнулъ затономъ серебристымъ,
И румянецъ бросилъ въ небосклонъ.

ТѢНЬ-РѢКА.

Подъ густыми подъ кустами протекаетъ Тѣнь-Рѣка,
Ты побудь надъ ней ночами, въ часъ, какъ таютъ облака,
Загляни въ нее очами, — въ чемъ, спроси, твоя тоска.

Оттого-ль, что вотъ, взглянувши, ты увидѣлъ свой двойникъ?
Оттого-ль, что птица ночи, промелькнувъ, послала крикъ?
Оттого ли плачутъ очи, что, дрожа, шуршитъ тростникъ?

Промелькнувъ надъ Тѣнь-Рѣкою черно-бархатнымъ крыломъ,
Въ гости къ Солнцу улетѣла птица тьмы ночнымъ путемъ,
Чтобъ позвать къ намъ птицу-пламя и смѣнить печаль огнемъ.

И казавшійся зловѣщимъ расшуршавшійся тростникъ
Подъ опаловой росою, какъ подъ ласкою, поникъ,
Передъ нимъ въ водѣ трепещетъ ожемчуженный двойникъ.

За дневною Тѣнь-Рѣкою тьма ночная далека,
Все ночное будь хоть вдвое, а растаютъ облака,
И подъ Солнцемъ, какъ червонцемъ, золотится Тѣнь-Рѣка.

ЧЕРЕЗЪ ВѢКА.

Я буду жить вѣка и обливаться кровью,
Чтобъ вѣдать первый мигъ, съ распаханною новью.

И я сквозь стонъ пройду, оплоты горъ дробя,
Но я во тьмѣ временъ всегда найду тебя.

Я засвѣчусь въ вѣкахъ, поющей пѣсни, кровью,
Земля-вдова, вздохнувъ, возлюбитъ долю вдовью.

И Солнце, богъ ея, супругъ давнишнихъ дней,
Сквозь пѣснь мою опять прижмется страстно къ ней.

Я расцвѣчу вѣка коралловою кровью,
Пороги проплыву, легко скользну къ низовью.

И, побѣдивъ ущербъ, какъ лунная ладья,
Ты вновь ко мнѣ придешь и скажешь: „Я твоя“.

ПОДРУГА.

У меня была подруга,
Мѣсто выбрала близъ луга,
Тамъ построила домокъ,
Очень свѣтлый теремокъ.

Хмелемъ дверь свою укрыла,
И, хмелѣя, говорила: —
„Приходи ко мнѣ, дружокъ,
Въ мой веселый теремокъ“.

Лугъ былъ ярче изумруда,
Свѣтъ къ намъ нѣжный шелъ оттуда,
И отъ вишенъ шелъ снѣжокъ,
И съ подругой былъ дружокъ.

Тонкій бисеръ нанизался,
Поясъ легкій развязался,
И упали жемчуга
Въ изумленные луга.

ПОСЛАНІЕ КЪ ГОЛУБИЦѢ.

Ужъ ты птица голубица,
Нѣжна горлица моя!
Ты предивная страница
Въ благовѣстьи бытія!
Ты пресвѣтлая картина
Между всѣхъ живыхъ картинъ!
Ты сліянье воедино
Всѣхъ созвѣздій и вершинъ!
Ты открывшая мнѣ дверцу
Въ нашъ волшебный теремокъ!
Ты явившаяся сердцу
Какъ божественный намекъ!
Ты явившаяся взору
Какъ живой родникъ въ пути!
Ты возведшая на гору,
Намъ съ которой не сойти!
Ты проведшая чрезъ рѣки,
На высокое крыльцо!
Подарившая навѣки
Звѣздотканное кольцо!
Къ голубицѣ голубочекъ,
Благовонная камедь!
Исписался весь листочекъ,
Не сумѣлъ тебя воспѣть!

СОНЪ.

Меня сонъ не беретъ,
Изъ ума мой милъ нейдетъ.
Гдѣ то онъ? Ужъ темно.
Мѣсяцъ смотрится въ окно.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Приходи ко мнѣ хоть сонъ.

А сонъ соскользнулъ,
На рѣсницы мнѣ дохнулъ.
Пошепталъ — приведу,
Засвѣчу твою звѣзду.
Гдѣ то онъ? Гдѣ то онъ?
Разморилъ меня мой сонъ.

Гляжу, не гляжу,
Вся какъ пьяная лежу.
Звѣзды, что-ль, въ цвѣтахъ горятъ?
Это горница иль садъ?
Это онъ! Это онъ!
Ахъ, какъ свѣтелъ Небосклонъ!

ОТЪ ЗОРЬ КЪ ЗОРЯМЪ.

Въ часъ, какъ въ звонахъ, и свѣтло,
Солнце въ первый разъ взошло,
Чудо-Древо возросло.

Стволъ листвы его широкъ,
Каждый новый день — цвѣтокъ,
Алъ — расцвѣтъ, но кратокъ — срокъ.

Въ часъ, какъ Солнце въ первый разъ
Засвѣтилося для насъ,
Вспыхнулъ мракъ, и вновь погасъ.

И отъ свѣта отойдя,
Тучей сталъ, гнѣздомъ дождя,
Бродитъ, небо бороздя.

Ходитъ, бродитъ, часа ждетъ,
Сѣетъ дождь, и сыплетъ ледъ,
Снѣгомъ долы обоймётъ.

Но, разсыпавъ снѣгъ и градъ,
Дождевой сплетя нарядъ,
Мракъ уходитъ въ пышный садъ.

Садъ — Закатъ, цвѣтокъ — Востокъ,
Въ каждой зорѣ — уголекъ,
Вѣченъ свѣжихъ зорь потокъ.

Зори къ зорямъ — берега,
Изумрудъ морей — луга,
Дождь — живые жемчуга.

Ледъ — сіяющій алмазъ,
Снѣгъ — опалъ, пуховый часъ,
Зори — въ зори вводятъ насъ.

МѢСТО МОЕ.

Мѣсто мое — на порогѣ мгновенья,
Дѣло мое — безпрерывное пѣнье,
Сердце мое — изъ огня,
Люди, любитс меня.

Счастье мое — въ свѣтловзорной измѣнѣ,
Сказка моя — и въ глубинахъ и въ пѣнѣ,
Голосъ мой манитъ, звеня,
Люди, любите меня.

* *
*

Мнѣ снятся караваны,
Моря и небосводъ,
Подводные вулканы
Съ игрой горячихъ водъ.

Воздушныя пространства,
Гдѣ не было людей,
Игра непостоянства
На пиршествѣ страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мнѣ снится, что змѣится
И что бѣжитъ въ просторъ,
Что хочетъ измѣниться —
Всему наперекоръ.

МОЯ ДУША.

Моя душа оазисъ голубой,
Средь блѣдныхъ душъ другихъ людей, безсильныхъ.
Роскошный сонъ ниспосланъ мнѣ судьбой,
Среди пустынь, томительныхъ и пыльныхъ.

Вездѣ пески. Свистя, бѣжитъ самумъ.
Лазурь небесъ укрылася въ туманы.
Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
Ко мнѣ сквозь мглу подходятъ караваны.

Веселые, раскинулись на мигъ,
Пришли, ушли, до новаго свиданья.
Въ своей душѣ лелѣютъ мой двойникъ,
Моей мечты воздушной очертанье.

И вновь одинъ, я вновь живу собой,
Мнѣ снится радость вѣчно-молодая.
Моя душа оазисъ голубой,
Мои мечты цвѣтутъ, не отцвѣтая.

ОСТРОВЪ.

Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.
И мгновенье не дробя,
Будь самимъ собой.

Міръ людей — толпа акулъ,
Это — вражій станъ.
Вбрось свой разумъ въ мѣрный гулъ,
Слушай Океанъ.

Помни: Даже и Потопъ
Бережетъ ковчегъ.
Жизнь людей — безмѣрный гробъ,
Стань на тихій брегъ.

Межъ тобою и людьми
Пусть поютъ моря.
Эту долю ты возьми,
Съ Богомъ говоря.

Не покинетъ лучъ тебя,
Будетъ сонъ съ тобой.
Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.

МОЙ ДОМЪ.

Я себѣ построилъ домъ посреди дубравы.
Посадилъ вокругъ него шелковыя травы.
И серебрянымъ его окружилъ я тыномъ.
И живу теперь я въ немъ полнымъ властелиномъ.

Въ этомъ домѣ — терема, не одинъ, четыре.
Въ этомъ домѣ свѣтъ и тьма радостнѣй, чѣмъ въ мірѣ.
Свѣтитъ Солнце съ потолка, з́а день не сгораетъ.
Мѣсяцъ съ звѣздами въ ночахъ серебромъ играетъ.

И когда я изъ окна брошу взоръ къ пустынямъ,
Въ небѣ свѣтится Луна, Солнце въ Морѣ синемъ.
Свѣтятъ міру, но порой трауръ ткутъ имъ тучи.
А въ моемъ дому они безъ конца горючи.

И ворота у меня безъ замковъ желѣзныхъ,
Но закрыты, какъ врата областей надзвѣздныхъ
Лѣто, Осень, и Зима, съ нѣжною Весною,
Говорятъ душѣ: „Люби. Хорошо со мною".

Лѣто, Осень и Зима смо́трятся въ оконца,
Безъ конца поетъ Весна, что хмельное Солнце.
Нѣжно, шелково шуршатъ шепчущія травы.
Хорошо построить домъ въ тишинѣ дубравы.

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Я замкнулся навсегда,
Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
Возникаютъ города,
Замки, башни, и надъ ними
Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
Дни окончиться должны,
Окна радостно-цвѣтные
Безъ конца внушаютъ сны,
Эти стекла расписныя
Мнѣ самой Судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
Обнимаются, любя,
Какъ, упавши на колѣни,
Кто-то молится, скорбя,
Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
Съ непочатой вышины,
Смотритъ огненное око
Неба, Солнца и Луны,
Но окно мое высоко,
То, что мнѣ внушаютъ сны.

То, межъ окнами цвѣтными,
На которое смотрю,
Въ часъ, когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
Я привѣтствую зарю,
И съ видѣньями родными
Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
Въ часъ заката жадный взоръ,
Въ часъ, когда уходитъ къ раю
Тихій вечеръ на дозоръ,
И лепечетъ: — „Обѣщаю,
„Вновь увидишь мой уборъ“.

На другія я съ отрадой
Устремляю ночью взглядъ,
Въ часъ, когда живетъ прохладой,
Полный вздоховъ, сонный садъ,
И за призрачной оградой
Свѣтляки межъ травъ горятъ.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
Огнецвѣтные цвѣты,
Надъ ошибками земными
Посмѣваясь съ высоты,
Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
Переливчатой мечты.

ВЫСЬ.

Коль не изведалъ ты вершинъ
Самозабывшагося чувства, —
Коль не узналъ ты, что Искусство.
Самодержавный властелинъ,
Тебѣ сказало: „Будь одинъ,
Отъединеннымъ, силой чувства,
Отъ топей, гатей, и плотинъ!“ —
Коль не узналъ ты, что считаютъ
Вѣками время въ ледникахъ,
Что выси горныя не таютъ
И знаютъ только снѣжный прахъ, —
Тогда свой бѣглый часъ изведай,
Упейся легкимъ торжествомъ,
А я надъ дольною побѣдой
Не уроню свой вышній громъ, —
Его оставлю я для взора
Того, кто можетъ быть — одинъ,
Внѣ словъ хвалы и пѣны спора,
Въ огняхъ нездѣшняго убора,
Средь молній, пропастей и льдинъ.

ИЗВИВЪ.

Онъ правъ, напѣвъ мертвящій твой.
Но слишкомъ онъ размѣренъ, —
Затѣмъ, что мысли ходъ живой,
Какъ очеркъ тучки кочевой,
Всегда чуть-чуть невѣренъ.
Когда грамматика пьяна
Безъ нарушенья мѣры, —
Душа какъ вихремъ взнесена
Въ тѣ призрачныя сферы,
Гдѣ въ пляскѣ всѣ размѣры, —
Гдѣ звонко бьются въ берега,
Переплетаясь, жемчуга,
Сорвавшіеся съ нитей, —
И взоръ твой, млѣя и свѣтясь,
Слѣдитъ, какъ въ этотъ звѣздный часъ
Плыветъ предъ ликомъ Бога
Вся Млечная дорога.

СОЛНЦЕ.

Это — Солнце вызываетъ всѣ растенья къ высотѣ,
Ихъ уча, что вотъ и Солнцу къ вышней хочется чертѣ.

Златокрайностью пронзая сонъ сцѣпляющихъ темнотъ,
Солнце всходитъ, мысль златая, на лазурный небосводъ.

На пути дугообразномъ расцвѣчаясь въ силѣ чаръ,
Солнце тайно разжигаетъ жизнетворческій пожаръ.

Зажигаетъ состязанье, быть различными маня,
Поелику въ ликѣ Солнца — семицвѣтный ликъ Огня.

Оттого у всѣхъ отвѣтныхъ солнцесвѣтныхъ лепестковъ
Такъ различествуетъ сказка красокъ, запаховъ, и сновъ.

Влажный лютикъ, нѣжность-роза дышатъ солнечной мечтой,
Это — красная амфора и бубенчикъ золотой.

Дѣва-лилія и ландышъ — отраженья облаковъ,
Это — чаша причащенья, пузыречки для духовъ.

Незабудка, глазъ фіалки, колокольчикъ, звѣробой
Небу молятся, затѣмъ что Солнце — въ безднѣ голубой.

Образъ змѣя, орхидея, раскрываетъ страстный ротъ,
Ибо Солнцемъ кровь согрѣта, поцѣлуй — души полетъ.

И еще, еще, и много кругоабрисовъ-цвѣтовъ,
Ибо Солнце кругъ свершило до закатныхъ береговъ.

Опустилось, исчезая, къ аметистовой чертѣ,
Чтобъ звѣздистыя сирени въ ночь дышали темнотѣ.

ВЪ ЧАСЪ РАЗСВѢТА.

Надъ ущельемъ осторожнымъ, межъ тревожныхъ чуткихъ
скалъ,
Перекличкѣ горныхъ духовъ въ часъ разсвѣта я внималъ.
Со скалы къ скалѣ срывался, точно зовъ, неясный звукъ.
Освѣженный, улыбался, пробуждался міръ вокругъ.

Гдѣ-то серна пробѣжала, гдѣ-то коршунъ промелькнулъ.
Оборвался тяжкій камень, между скалъ раздался гулъ.
И гнѣздится и клубится легкій паръ, источникъ тучъ,
Зацѣпляясь, проползаетъ по уступамъ влажныхъ кручъ.

И за гранью отдаленной, — радость горъ, долинъ, полей, —
Открываетъ ликъ побѣдный, все полнѣй и все свѣтлѣй,
Ярко-красное Свѣтило расцвѣтающаго дня,
Какъ цвѣтокъ садовъ гигантскихъ, полный жизни и огня.

ЗАРОЖДЕНІЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ потокомъ лучей
Солнце жжетъ горячѣй, гдѣ гнѣздятся орлы,
Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
Онъ волной ударялъ, и гранитъ повторялъ
Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалъ, какъ сверкающій лучъ,
Перемѣнчивый ключъ межъ камней трепеталъ,
На гранитѣ блисталъ, и красивъ, и пѣвучъ,
Жаждой жизни могучъ, онъ отъ счастья рыдалъ,
И кричали орлы, на уступахъ скалы,
У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытія.

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованнаго Моря!
Какъ сводъ Небесъ угрюмъ,
Какъ бьются тучи, споря!

О чемъ шумитъ волна,
О чемъ протяжно стонетъ?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ Морѣ тонетъ?

Гремитъ морской прибой,
И дологъ вой упорный: —
„Идемъ, идемъ на бой,
„На бой съ Землею черной!

„Разрушимъ грань Земли,
„Покроемъ все водою.
„Внемли, Земля, внемли,
„Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!

„Мы все зальемъ, возьмемъ,
„Поглотимъ жадной бездной,
„Громадой волнъ плеснемъ,
„Взберемся въ міръ надзвѣздный.

„Шуми, греми, прибой!“
И стонуть всплески смѣха.
„Идемъ, идемъ на бой!“ —
„На бой“ — грохочетъ эхо.

ИЗЪ-ПОДО ЛЬДА.

Быть можетъ, не было у насъ
Весны воздушно-молодой,
Когда полдневный свѣтитъ часъ
Надъ просвѣтленною водой.

Весна плѣнительно-нѣжна
Для двухъ влюбленныхъ молодыхъ,
Когда себѣ поетъ она
Лѣсной протяжный слитный стихъ.

Мы жили розно въ тѣ года,
Мы были розно и потомъ.
Но никогда, о, никогда
Цвѣтокъ не стынетъ подо льдомъ.

Онъ ждетъ, подъ блѣдной чарой сна,
Чтобъ, совершивъ круговоротъ,
И для него пришла весна,
И для него раскрылся годъ.

Онъ ждетъ, въ признательной мечтѣ,
Чтобъ ледъ разрушился звеня,
И чтобъ запѣли въ высотѣ
Созвучья пѣсенъ и огня.

Смотри, смотри: идетъ весна,
Намъ свѣтитъ Солнце съ высоты.
Ты мнѣ навѣки предана,
Я твой навѣки. Мы — цвѣты.

РАЗЛУКА.

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
Въ виду береговъ Скандинавіи,
Я думалъ, мой другъ, о тебѣ, —
О тебѣ,
Чей образъ со мной неразлученъ,
Точно такъ же, какъ часъ, возвѣщающій дню
Приближеніе ночи,
Неразлученъ съ красавицей неба, Вечерней Звѣздой, —
Какъ морская волна неразлучна съ пугливою чайкой.
Много яркихъ свѣтилъ въ безграничномъ пространствѣ
Лазури, —
Лучезарный Арктуръ, Береники блестящіе кудри,
Оріонъ, и созвѣздіе Леды,
Большая Медвѣдица,
Но среди милліоновъ свѣтилъ
Нѣтъ свѣтила прекраснѣй — Вечерней Звѣзды.
Много птицъ, много гостій крылатыхъ летитъ черезъ Море,
Бросивъ берегъ его, направляясь къ другому,
Что вдали гдѣ-то тамъ затерялся среди синевы и тумановъ, —
Но только одну бѣлокрылую чайку
Съ любовью баюкаетъ, точно въ родной колыбели,
Морская волна.
Чайка взлетаетъ къ нависнувшимъ тучамъ,
Чайка умчится въ далекія страны, —
Куда и зачѣмъ, врядъ ли знаетъ сама, —
Но снова, какъ странникъ,

Уставшій бродить въ безпріютныхъ краяхъ,
Прилетитъ она къ синей родимой волнѣ,
Прильнетъ къ ней своей бѣлоснѣжною грудью, —
И Солнце смѣется, взирая на нихъ,
И шлетъ имъ лучистыя ласки.
Такъ и я, разлучившись съ тобой,
О, мой другъ безконечно любимый,
Былъ сердцемъ съ тобой неразлученъ,
Я баюкалъ твой ласковый образъ въ своей трепетавшей груди,
Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
Въ виду береговъ Скандинавіи.

ХЛОПЬЯ ТУМАНА.

1.

Можно вздрогнуть отъ звука шаговъ,
Не изъ чувства обмана,
А изъ жажды остаться вдвоемъ въ нетревожимомъ счастіи
снов,
Подъ владычествомъ чары, воздушной, какъ грань облаковъ,
Можно горько бояться, что свѣтлые хлопья тумана
Разойдутся — не слившись, умрутъ — слишкомъ рано.

2.

О, въ душѣ у меня столько словъ для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3.

Я какъ сонъ предъ тобой, я какъ сонъ голубой,
Задремавшій на синемъ цвѣткѣ.
Я какъ шорохъ весны, я какъ вздохъ тишины,
Какъ тростникъ, наклоненный къ рѣкѣ.
Я какъ легкій ковыль, какъ цвѣточная пыль,
Каждый мигъ я дышу, и дрожу.
Я какъ лѣтняя мгла, что свѣтла и тепла.
И тебѣ все безъ словъ я скажу.

СКРИПКА.

Скрипку слушалъ я вчера.
О, какъ звонко трепетала,
Человѣчески рыдала
Эта тонкая игра.

Въ наростающемъ ручьѣ,
Убѣдительномъ, разливномъ,
Такъ мучительно-призывномъ,
Духъ подобенъ былъ змѣѣ.

Бриллiантовой змѣей
Развернулъ свои онъ звенья,
Вовлекалъ въ свои мученья,
И владѣлъ моей душой.

И пока онъ пѣлъ и пѣлъ,
Увидалъ я, лунно-сонный,
Какъ двойникъ мой озаренный
Отошелъ въ иной предѣлъ.

Былъ онъ въ морѣ бѣлыхъ розъ,
Съ кѣмъ-то бѣлымъ тамъ встрѣчался,
Съ яркимъ звукомъ оборвался,
И вернулся въ брызгахъ слезъ.

ЦАРСТВО ТИХИХЪ ЗВУКОВЪ.

Царство тихихъ звуковъ, ты опять со мной,
Маятникъ невнятный бьется за стѣной.
Въ ровномъ коридорѣ мѣрные шаги.
Близкіе ли это? Злые ли враги?

Я люблю волненье позлащенныхъ нивъ,
На опушкѣ лѣса вечеръ такъ красивъ.
Надъ просторомъ вольнымъ водной глубины
Дымно дышутъ чары царственной Луны.

Нѣтъ, я долженъ, долженъ полюбить печаль,
Не искать блаженства, не стремиться вдаль.
Не желать блаженства вѣчныхъ перемѣнъ,
Нѣтъ, уйти нельзя мнѣ отъ безцвѣтныхъ стѣнъ.

Тонкая, но властно, вытянулась нить,
Блѣднаго кого-то долженъ я щадить.
Кто-то дышитъ близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стѣной.

СОЛНЦЕ—КРАСНОЕ.

Солнце — красное, сказалъ мнѣ мой родной народъ,
И о вольномъ красномъ Солнцѣ сердце мнѣ поетъ.
Такъ до боли, въ жаждѣ воли, все стучитъ, звучитъ,
Звукъ біенья — пѣснопѣнье, чувство не молчитъ.
Сердце, слышу. Мы сложили много звонкихъ строкъ,
Югъ и Сѣверъ мы воспѣли, Западъ и Востокъ.
Мы съ тобой взростили, сердце, красные цвѣты,
Я мечталъ — и страстной краской въ грезахъ билось ты.
Ни себя ты не жалѣло, ни другихъ порой,
Но подъ Солнцемъ ты алѣло, самъ я былъ не свой.
Мы съ тобой не сомнѣвались — о, ни въ комъ, ни въ чемъ,
Мы пьянѣли, опьянялись — солнечнымъ лучомъ.
Мы взростили много смѣлыхъ яркихъ лепестковъ,
Мы учили жгучей силѣ, власти гордыхъ сновъ.
Сердце — вольно, Солнце — красно, міръ согласенъ весь,
Тамъ, далеко, свѣтъ зажжется, разъ ты свѣтелъ здѣсь.
Юность, юность, будь же юной, вспыхни, пожелай,
Каждый мигъ — начало, воля, вѣчно скрытый Май.
Не напрасно же раскрылъ я въ пѣньи звонкихъ строкъ
Тайну сердца — алость крови — солнечный цвѣтокъ.

ЗАРЕВО МГНОВЕНІЙ.

Въ закатномъ заревѣ мгновеній, твоихъ или моихъ,
Я вижу, какъ сгораетъ геній, какъ возникаетъ стихъ,
Въ закатномъ заревѣ мгновеній докучный шумъ затихъ.

Воспламененное Свѣтило ушло за грань морей,
И въ тучахъ краски доживаютъ всей роскошью своей,
Чего въ нихъ больше — аметистовъ, рубиновъ, янтарей?

Къ чему свой взоръ случайно склонишь, то дастъ тебѣ отвѣтъ,
Въ одномъ увидишь пламя счастья, въ другомъ услышишь
— „Нѣтъ",
Но все, на что свой взглядъ уронишь, восхвалитъ поздній
свѣтъ.

Прозрачность, нѣжность, и чрезмѣрность, все слито въ
забытьи,
Въ послѣдній разъ мы ихъ коснемся въ предсмертномъ
бытіи,
И мы поймемъ, что эти краски — твои или мои.

И мы поймемъ, какъ полнозвучно поетъ волна морей.
Когда дневное отшумѣло, и Ночь, во снѣ, бодрѣй,
И все ночное, незамѣтно, идетъ скорѣй, скорѣй.

Вотъ все воздушнѣй аметисты, рубины, янтари,
Все, что во внѣшнемъ — еле слышно, все ярко — что внутри,
Мгновенье пышнаго Заката — послѣднее — гори.

ЗЕРКАЛО.

Я зеркало ликовъ земныхъ
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю въ свой стихъ,
Что взглянетъ въ затонъ углубленный.

Я властно маню въ глубину,
Гдѣ каждый воздушно-удвоенъ,
Гдѣ всѣ причащаются сну,
Гдѣ даже уродливый строенъ.

Тяжелая поступь живыхъ,
Предъ глубью мѣняясь, слабѣетъ.
Радѣніе силъ неземныхъ
Незримо, но явственно рѣетъ.

Душа ощущаетъ: „Тону,“
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запѣвшему въ вѣчности хору.

СОЛНЦЕ УДАЛИЛОСЬ.

Солнце удалилось. Я опять одинъ.
Солнце удалилось отъ земныхъ долинъ.
Снѣжныя вершины свѣтъ его хранятъ.
Солнце посылаетъ свой послѣднiй взглядъ.

Воздухъ цѣпенѣетъ, властно скованъ мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышитъ надъ землей.
Тайно стынутъ волны сумрачныхъ морей.
— Уходи отъ ночи, уходи скорѣй. —

— Гдѣ-жъ твой тихiй уголъ? — Нѣтъ его нигдѣ.
Онъ лишь тамъ, гдѣ взоръ твой устремленъ къ звѣздѣ.
Онъ лишь тамъ, гдѣ свѣтитъ лучъ твоей мечты.
Только тамъ, гдѣ Солнце. Только тамъ, гдѣ ты.

СУМЕРКИ.

Мерцаютъ сумерки въ лимонныхъ
И апельсиновыхъ садахъ,
И слышенъ лепетъ въ листьяхъ сонныхъ,
И дремлетъ вѣтеръ на цвѣтахъ.

Тотъ легкій вѣтеръ, что приноситъ
Благословеніе небесъ,
И тайно души наши проситъ
Повѣрить мудрости чудесъ,

Чудесъ, ниспосланныхъ нежданно
Для исцѣленія души,
Которой всюду, безпрестанно,
Былъ только слышенъ крикъ: „Спѣши.“

Для исцѣленья утомленныхъ,
Нашедшихъ чары новыхъ сновъ,
Подъ тѣнью ласковой — лимонныхъ
И апельсиновыхъ садовъ.

СЕРЕНАДА.

Я сомкнулъ глаза усталые,
   Міра больше нѣтъ.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Свѣтитъ вамъ лишь поздній свѣтъ.
Дышатъ сумерки неясные,
Смотрятъ звѣзды съ высоты,
Плачьте, страстные, подвластные
   Тайнамъ темноты.

Я закрылъ глаза усталые,
   Стройный міръ погасъ.
Кровь слагаетъ сказки алыя,
И обманываетъ насъ.
Дышатъ шелесты неясные,
Дымно спитъ рѣчная гладь.
Плачьте, страстные, безгласные,
   Вамъ недолго спать.

ПРИЧАСТІЕ НОЧИ.

Полюбите слезы, въ васъ воскреснетъ смѣхъ.
Прикоснитесь боли, удалится грѣхъ.
Помолитесь Ночи, вамъ сверкнетъ Заря,
Съ свѣтлымъ, съ темнымъ сердцемъ — свѣтомъ говоря.
Прикоснитесь къ Міру мыслію своей,
На касанье мысли — поцѣлуй лучей.
Поцѣлуй безгласный просіявшихъ глазъ,
Посмотрѣвшихъ ясно изъ души на насъ.
Причаститесь боли, это вѣрный путь,
Чтобъ на вольной волѣ глубоко вздохнуть.

ОСЕНЬ.

Осень. Мертвый просторъ. Углубленныя грустныя дали.
Завершительный ропотъ, шуршащихъ листвою, вѣтровъ.
Для чего не со мной ты, о, другъ мой, въ ночахъ, въ ихъ
печали?
Столько звѣздъ въ нихъ сіяетъ, въ предчувствіи зимнихъ
снѣговъ.

Я сижу у окна. Чуть дрожатъ безпокойныя ставни.
И въ трубѣ, безъ конца, безъ конца, звуки чьей-то мольбы.
На лицѣ у меня поцѣлуй, — о, вчерашній, недавній.
По лѣсамъ и полямъ протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дорогѣ,
Заливаясь, поетъ колокольчикъ, и тройка бѣжитъ.
Старый домъ опустѣлъ. Кто-то блѣдный стоитъ на порогѣ.
Этотъ плачущій — кто онъ? Ахъ, листъ пожелтѣвшій
шуршитъ.

Этотъ листъ, этотъ листъ . . . Онъ сорвался, летитъ, упадаетъ . . .
Бьются вѣтки въ окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпѣть. Кто же тамъ такъ безумно рыдаетъ?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Самъ съ собой — и себя отвергая?
Колокольчикъ, вернись. Съ привидѣньями страшно мнѣ быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Нѣмая!
Непостижность Судьбы: — разставаться, страдать, и любить.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ.

Я давно полюбилъ свою душу,
Я замкнулъ ее въ свѣтлый свой домъ,
И ея тишины не нарушу,
Хоть несдержанъ въ блужданьи своемъ.

Я брожу межъ людей только тѣломъ,
Я хожу между нихъ лишь какъ тѣнь,
Въ сладострастьи замру онѣмѣломъ,
Какъ охваченный страхомъ олень.

И какъ яркій встаю предъ толпою,
И какъ жалкій склонюсь подъ грозой.
Надъ фіалкой стою голубою,
Напою всѣ растенья росой.

И душа моя въ домѣ скучаетъ,
Моего возвращенія ждетъ,
И слезами свой ликъ расцвѣчаетъ.
И потерянъ алмазностямъ счетъ.

И душа такъ жалѣетъ, жалѣетъ
О моемъ безконечномъ пути,
Но покинуть чертогъ свой не смѣетъ.
И не смѣю я къ ней подойти.

* * *

Въ пустынѣ безбрежнаго Моря
Я островъ нашелъ голубой,
Гдѣ, арфѣ невидимой вторя,
И ропщетъ и плачетъ прибой.

Тамъ есть позабытая вилла,
И, точно видѣніе въ ней,
Гадаетъ сѣдая Сибилла,
Въ мерцаньи невѣрныхъ огней.

И тотъ, кто взойдетъ на ступени,
Предъ Вѣщей преклонится ницъ, —
Увидитъ поблекшія тѣни
Знакомыхъ исчезнувшихъ лицъ.

И кто, преклоняясь, замѣтитъ,
Какъ тускло змѣятся огни,
Тотъ взглядомъ сильнѣй ихъ засвѣтитъ, —
И вспомнитъ погибшіе дни.

И жаднымъ впиваяся взоромъ
Въ черты безтѣлесныхъ тѣней,
Внимая беззвучнымъ укорамъ,
Что бури громовой слышнѣй, —

Онъ вскрикнетъ, и кинется страстно
Туда, гдѣ былая стезя . . .
Но тѣни пройдутъ безучастно,
И съ ними обняться — нельзя.

ТИШЕ, ТИШЕ.

Тише, тише совлекайте съ древнихъ идоловъ одежды,
Слишкомъ долго вы молились, не забудьте прошлый свѣтъ,
У развѣнчанныхъ великихъ, какъ и прежде, горды вѣжды,
И слагатель вѣщихъ пѣсенъ былъ поэтъ и есть поэтъ.

Побѣдитель благородный съ побѣжденнымъ будетъ ровенъ,
Съ нимъ заносчивъ только низкій, съ нимъ жестокъ одинъ
дикарь.
Будь въ раскатѣ бранныхъ кликовъ ясновзоренъ, хладно-
кровенъ,
И тогда тебѣ скажу я, что въ тебѣ мудрецъ и царь.

Дѣти Солнца, не забудьте голосъ меркнущаго брата,
Я люблю въ васъ ваше утро, вашу смѣлость и мечты,
Но и къ вамъ придетъ мгновенье охлажденья и заката, —
Въ первый мигъ и въ мигъ послѣдній будьте, будьте какъ
цвѣты.

Расцвѣтайте, отцвѣтайте, многоцвѣтно, полновластно,
Раскрывайте все богатство вашихъ скрытыхъ юныхъ силъ,
Но въ расцвѣтѣ не забудьте, что и смерть, какъ жизнь,
прекрасна,
И что царственно величье холодѣющихъ могилъ.

БЛИЗЪ СИНЯГО КАМНЯ.

Близъ Синяго камня песокъ золотой,
Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода — голубая, прозрачная днемъ,
И черная, злая во мракѣ ночномъ.

Близъ Синяго камня песокъ золотой,
И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода умножаетъ и точитъ песокъ,
А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далеки для тѣхъ, кто идетъ
Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой
Близъ Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

* * *

Отчего мнѣ такъ душно? Отчего мнѣ такъ скучно?
Я совсѣмъ остываю къ мечтѣ.
Дни мои равномѣрны, жизнь моя однозвучна,
Я застылъ на послѣдней чертѣ.

Только шагъ остается, только мигъ быстрокрылый.
И уйду я отъ блѣдныхъ людей.
Для чего же я медлю предъ раскрытой могилой,
Не спѣшу въ неизвѣстность скорѣй?

Я не прежній веселый, полубогъ вдохновенный,
Я не геній пѣвучей мечты.
Я угрюмый заложникъ, я тоскующій плѣнный.
Я стою у послѣдней черты.

Только мигъ быстрокрылый, и душа, альбатросомъ,
Унесется къ невѣдомой мглѣ.
Я усталъ приближаться отъ вопросовъ къ вопросамъ,
Я жалѣю, что жилъ на Землѣ.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

Я раскрылъ лебединыя крылья,
И коснулся крылами зари,
И легко, высоко, безъ усилья,
Возлетѣлъ. Мой размахъ повтори.

Если хочешь летѣть легковольно,
Тамъ, гдѣ звѣзды подобны ручью,
Ты пойми и почувствуй безбольно
Лебединую пѣсню мою.

Улети отъ родного затона,
Отъ знакомыхъ родныхъ ступеней,
Убаюкай дрожанiе стона,
Будетъ пѣсня полнѣй и звучнѣй.

Искупаешься въ Солнцѣ безвѣстномъ,
Обвѣнчаешься съ Новой Луной,
И къ предѣламъ желаннымъ, хоть тѣснымъ
Прилетишь съ полнопѣвной весной.

Изъ пустынь, что лазурно-высоки,
Упадешь бѣлоснѣжно къ гнѣзду,
И качнешь ты родныя осоки,
Закачаешь на влагѣ звѣзду.

ЛИНІИ СВѢТА.

Длинныя линіи свѣта
Ласковой дальней Луны.
Дымкою Море одѣто.
Дымка — рожденье волны.

Волны, лелѣя, сплетаютъ
Свѣтлыя пряди руна.
Хлопья плывутъ — и растаютъ,
Новая встанетъ волна.

Новую линію блеска
Вытянетъ ласка Луны.
Сказка сверканій и плеска
Зыбью дойдетъ съ глубины.

Влажная пропасть сольется
Съ бездной эѳирныхъ высотъ.
Таинство Небомъ дается,
Слитность — зеркальностью водъ.

Есть полногласность отвѣта,
Только желай и зови.
Длинныя линіи свѣта
Тянутся къ намъ отъ любви.

ГОЛУБОЕ.

Мнѣ снилось, мы съ тобой вступили въ Голубое.
То было царство звѣздъ, фіалокъ, и воды.
Лазурныя поля. Лѣса. Мы были двое.
Звѣзда, не торопясь, вела насъ до звѣзды.

Среди высокихъ горъ базальта голубого
Часовни были тамъ курившихся пещеръ.
Шелъ бѣлый дымъ изъ нихъ, и снова въ нихъ и снова
Звукъ эхо нашу мысль перелагалъ въ размѣръ.

По берегамъ ручьевъ мерцали незабудки,
Въ сиреневыхъ кустахъ свѣтился ѳиміамъ.
И колокольчики, какъ башенки-малютки,
Свѣтя, струили звонъ въ лазурь Небесъ и къ намъ.

А птицы синія, что Время означали,
Летали по кругамъ, баюкая мечты,
И въ сердцѣ пѣла пѣснь, что кончились печали,
Что я навѣкъ съ тобой, навѣкъ со мною ты.

ЗА ГАЕМЪ ЗЕЛЕНЫМЪ.

За гаемъ зеленымъ,
По срывамъ и склонамъ,
Пѣвуче вела ты, тоска.
Но видно, что дважды
Для жалящей жажды
Не дышитъ прохладой рѣка.

Здѣсь нѣкогда юнымъ
Я былъ Гамаюномъ,
Въ свирѣльности ласковыхъ словъ.
Но юность лишь эхо
Далекаго смѣха,
Лишь отзвукъ далекихъ шаговъ.

Зеленаго гая
Листва молодая
Роняетъ съ зарею росу.
И юность — лишь лодка,
Уплывшая ходко,
Ведя по водѣ полосу.

За гаемъ зеленымъ,
Со смѣхомъ и звономъ,
Промчались въ ночи бубенцы.
Горячая тройка
Уносится бойко
Во всѣ міровые концы.

ПОТУХШІЕ ФАКЕЛЫ.

Факелы, тлѣя, чадятъ,
Утомленъ наглядѣвшійся взглядъ.
Дымъ изъ кадильницъ излитъ.
Наслажденье, усталое, спитъ.

О, наконецъ, наконецъ,
Затуманенъ блестящій дворецъ!
Мысль, отчего-жъ ты не спишь, —
Вкругъ тебя безнадежная тишь.

Жить, умирать, и любить,
Безпредѣльную цѣльность дробить, —
Все это было давно,
И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумглѣ, въ тишинѣ,
Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
Новыя краски царятъ,
Драгоцѣнные камни горятъ.

Ниже, все ниже, все внизъ,
Замолчавшей душой устремись!
Въ смерти намъ радость дана, —
Красота, тишина, глубина!

МОРАНА.

Умираніе — мерещится уму.
Смерть намъ кажется. Лишь вѣримъ мы во тьму.
Эти сумерки сознанья и души,
Смерть всемірную предъ ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее въ пустынѣ голубой.
Разбросай среди жемчужинъ алый цвѣтъ.
Зачаруй. Морана — дѣва, ты — поэтъ.

Засвѣти сіяньемъ звѣзднымъ брызги слезъ.
Дай алмазовъ темнотѣ ея волосъ.
„Меркнуть рано,“ прошепчи, — она вздохнетъ.
Поцѣлуетъ, усыпитъ, но не убьетъ.

ТКАЧИХА.

Дѣва вѣщая, ткачиха,
Ткетъ добро, съ нимъ вмѣстѣ лихо,
Пополамъ.
Лѣвой бѣлою рукою
Нить ведетъ съ борьбой, съ тоскою.
А рукою бѣлой правой
Нить прямитъ съ огнемъ и славой.
Ткани — намъ.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Въ царствѣ Блага, въ царствѣ Лиха,
Гдѣ-то тамъ.

Пой для Дѣвы, Дѣва глянетъ,
Только ткать не перестанетъ
Никогда.
Сердцемъ зная всѣ напѣвы,
Заглянулъ я въ сердце Дѣвы.
Полюбилъ, и полюбился,
Въ замкѣ Дѣвы очутился
Навсегда.
Любо мнѣ, но душу ранитъ
Шумъ тканья, что не устанетъ
Никогда.

Диво вѣчное, ткачиха,
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.

А не то проснутся люди,
И придутъ гадать о чудѣ.
Намъ вдвоемъ съ тобою дружно,
Намъ не нужно, не досужно
Быть съ людьми.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Тише, тише, въ сердцѣ — тихо,
Не шуми.

СМЕРТНЫЯ ГУМНА.

Смертныя гумна убиты цѣпами.
Смилуйся, Господи жатвы, надъ нами.

Колосъ и колосъ, колосья безъ счета,
Жили мы, тѣшила насъ позолота.

Мы золотились отъ луга до луга.
Нивой шептались, касались другъ друга.

Пѣли, шуршали, взростали мы въ силѣ.
Лѣто прошло, и луга покосили.

Серпъ зазвенѣлъ, приходя за косою.
Словно здѣсь градъ пробѣжалъ полосою.

Пали безгласными — жившіе шумно,
Пали колосья на страшныя гумна.

Колосъ и колосъ связали снопами.
Взяли возами. И били цѣпами.

Вѣять придутъ. Замелькаетъ лопата.
Вѣрныя зерна сберутся богато.

Колосъ, себя сохранившій упорно,
Будетъ отмѣченъ, какъ взвѣсившій зерна.

Колосъ, качавшій пустой головою,
Лишь какъ мякина послужитъ собою.

Зерна же вѣрныя, сгрудясь богато,
Будутъ сіять, какъ отмѣнное злато.

Дай же, о, Боже, намъ жизни счастливой,
Быть намъ разливистой свѣтлою нивой.

Дай же намъ, Боже, поживъ многошумно,
Пасть золотыми на смертныя гумна.

ДУХЪ ДРЕВА.

Своей мечтой многовѣтвистой,
Переплетенной и цвѣтистой,
Я много храмовъ покрывалъ,
И радъ я знать, что духъ стволистый
Въ тѣлесномъ такъ воздушно-алъ.

Но, если я для вѣрныхъ, нѣжныхъ,
Для изнемогшихъ, безнадежныхъ,
Свои цвѣты свѣвалъ свѣтло,
Я знаю въ лепетахъ безбрежныхъ,
Какъ старо темное дупло.

И, если вѣчно расцвѣтая,
Листва трепещетъ молодая,
Я, тайно, слушаю одинъ,
Какъ каждый листъ, съ вѣтвей спадая,
Впадаетъ въ Лѣтопись судьбинъ.

И тѣ, что вѣдаютъ моленья,
И тѣ, что знаютъ изступленье,
И тѣ, въ которыхъ разумъ юнъ,
Какъ буквы входятъ въ Пѣснопѣнье,
Но буквы не читаютъ рунъ.

СУТКИ.

Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Свѣтъ да Мракъ, и День да Ночь.
Тикъ-такъ,
Свѣтъ да Мракъ,
День да Ночь, и Сутки прочь.

Тикъ-такъ,
Ты — слѣпень,
Ты есть Ночь, а я есть День.
Тикъ-такъ,
Не пророчь,
Я всезрячая, я Ночь.

Тикъ-такъ,
Мертвый мракъ,
Гробъ и заступъ, вотъ твой знакъ.
Тикъ-такъ,
Темнота —
Путь для цвѣта и листа.

Тикъ-такъ
Все же я,
Значитъ, я для бытія.
Тикъ-такъ,
Свѣтъ — хорошъ,
Все же ты во мнѣ уснешь.

Тикъ-такъ,
Мы качель,
Вправо, влѣво колыбель.
Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Неужель могила цѣль?

Тикъ-такъ,
Не пойму,
Въ свѣтъ идемъ мы или въ тьму?
Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Свѣтъ и тьму я обниму.

Тикъ-такъ,
Тики-такъ,
Сѣйте ленъ и сѣйте макъ.
Тикъ-такъ,
День да Ночь,
День да Ночь, и Сутки прочь.

ВЫБОРЪ.

1.

Будь свободнымъ, будь какъ птица, пой, тебѣ дана судьба.
Ты не можешь быть какъ люди, ты не примешь ликъ раба.

Ежедневный, ежечасный, тупо-скромный, скучный ликъ,
Это быть въ пустынѣ темной, быть казненнымъ каждый мигъ.

Ты не можешь, ты не можешь, — о, мой братъ, пойми меня, —
Какъ бы могъ ты стать неяркимъ, ты, рожденный отъ Огня!

Это — страшное проклятье, это — ужасъ. Быть какъ всѣ.
Ты свободный, лучъ, горящій — въ водопадѣ и въ росѣ.

Ты порою малъ и робокъ, но неравенство твое —
Жизнь стихіи разрѣшенной, сохрани въ себѣ ее.

Ты сейчасъ былъ малъ и робокъ, но судьба тебѣ дана.
Вотъ ты вспыхнулъ, вотъ ты Солнце. Вся лазурь твоя до дна.

2.

Нѣтъ, мой братъ, не принимаю
Гордый твой завѣтъ.
Я иду къ иному раю,
Я люблю спокойный свѣтъ.

Ежедневный, ежечасный,
Свѣтъ души — на днѣ,
Тѣмъ прекрасный, что, безстрастный,
Неизмѣненъ онъ во мнѣ.

Братъ мой, кто ты? Что ты знаешь
Обо всѣхъ другихъ?
Ты неяркихъ проклинаешь, —
Я для нихъ пою свой стихъ.

Ты сказалъ, что я сіяю
Въ капелькѣ, въ росѣ, —
Это я благословляю,
Я желаю быть какъ всѣ.

Всѣ мы капли въ вѣчномъ Морѣ,
Нѣтъ различья въ насъ.
Всѣ мы боль таимъ во взорѣ
Въ нашъ послѣдній смертный часъ.

Это — страшное проклятье: —
Презирать другихъ.
Всѣхъ люблю я безъ изъятья,
Я для всѣхъ пою свой стихъ,

ТРИ ЛЕГЕНДЫ.

Есть лишь три легенды сказочныхъ вѣковъ.
Смыслъ ихъ, вѣчно-старый, точно утро новъ.

И одна легенда, блескъ лучей дробя,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби себя.“

И другая, въ свѣтѣ страсти безъ страстей,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби людей“.

И вѣщаетъ третья, нѣжно, точно вздохъ: —
„Полюби безсмертье. Вѣченъ только Богъ.“

Есть лишь три преддверья. Нужно всѣ пройти.
О, скорѣй, скорѣе! Торопись въ пути.

Въ храмѣ сновъ безсмертныхъ дышитъ нѣжный свѣтъ,
Есть всему разгадка, есть на все отвѣтъ.

Не забудь же сердцемъ, и сдержи свой вздохъ: —
Ярко только Солнце, вѣченъ только Богъ!

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Іоанна, нѣжный изумрудъ,
Драгоцѣнный камень ангеловъ небесныхъ, —
Передъ тѣми двери рая отомкнутъ,
Кто тебя полюбитъ въ помыслахъ чудесныхъ, —
Цвѣтъ расцвѣтшей жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
Яшма, талисманъ апостола Петра, —
Храмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ стоновъ,
Въ часъ когда приходитъ трудная пора, —
Яшма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣрнаго Ѳомы,
Яркій хризолитъ оттѣнка золотого, —
Ты маякъ сознанья надъ прибоемъ тьмы,
Чрезъ тебя мы въ Богѣ убѣдимся снова, —
Хризолитъ прекрасный мудраго Ѳомы.

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
Гіацинтъ, агатъ, и дымный аметистъ, —
Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ, —
Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни, —
Между драгоцѣнныхъ камней властелинъ,
Ты намъ обѣщаешь жизнь въ иной отчизнѣ, —
Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

СВѢТЛѢЙ СЕБЯ.

Прекрасенъ ликъ звѣзды съ прозрачнымъ взоромъ,
Когда она, не рдѣя, не скорбя,
И зная только Небо и себя,
Струитъ лучи нетающимъ узоромъ,
Средь дальнихъ звѣздъ, поющихъ свѣтлымъ хоромъ.
Но какъ она свѣтлѣй самой себя,
Когда, воспламененнымъ метеоромъ,
Огни лучей стремительно дробя,
Горитъ — предъ смертью, падаетъ — любя.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

Пилой поющею подточенъ яркій стволъ
Еще не выжившей свой полный вѣкъ березы.
На землю ниспровергъ ее не произволъ,
Не налетѣвшія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была
Рукой сознательной для бытія иного: —
Зажечься и горѣть, — блестя, сгорѣть до тла, —
И въ помыслахъ людей тепломъ зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣетъ и сгоритъ,
Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться: —
Расчетвертована, она измѣнитъ видъ,
Блестящая кора, изсохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
И соки жилъ ея проступятъ, точно слезы,
Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана, —
И огненной листвой одѣлся духъ березы.

Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня: —
Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться!
— Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

ПУТЬ ПРАВДЫ.

Пять чувствъ — дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
Когда намъ истина сама собой видна.
Тогда таинственно для дремлющаго глаза
Горитъ узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
Изъ угля чернаго — рожденіе алмаза.
Намъ правда каждый разъ — сверхчувственно дана,
Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждаго есть міръ незримыхъ чаръ,
Какъ въ каждомъ деревѣ зеленомъ есть пожаръ,
Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спитъ,
И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
Тебя нежданное такъ ярко ослѣпитъ.

ОТЪ БЛѢДНАГО ЛИСТКА.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
До сказочныхъ планетъ, гдѣ день длиннѣй, чѣмъ вѣкъ,
Все — тонкіе штрихи законченной картины,
Все — тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума — широкія дороги,
Всѣ вспышки страстныя — подъемные мосты,
И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
Мы всетаки дойдемъ до нужной высоты.

То будетъ лучшій мигъ безбрежныхъ откровеній,
Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь туманъ,
На насъ изъ хаоса безчисленныхъ явленій
Вдругъ глянетъ снившійся, но скрытый Океанъ.

И, цѣль пути понявъ, счастливые навѣки,
Мы всѣ благословимъ раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенныя рѣки,
Своими устьями, любя, прильнемъ къ нему.

ПРИЗРАКИ.

Птичка сѣрая летаетъ
  Каждый вечеръ подъ окно,
Голосокъ въ кустахъ рыдаетъ,
  Что-то кончилось давно.

Звуки бьются такъ воздушно,
  Плачутъ тоньше, чѣмъ струна.
Но внимаютъ равнодушно
  Міръ, и Небо, и Луна.

Надъ усадьбою, старинной
  Будто вовсе умеръ день.
Подъ окошкомъ тополь длинный
  До забора бросилъ тѣнь.

Стало призракомъ свиданье,
  Было сномъ, и стало сномъ.
Лишь воздушное рыданье
  Словно память подъ окномъ.

Эти звуки тонко лились
  Здѣсь и въ дѣдовскіе дни.
Ничему не научились
  Ни потомки, ни они.

Вѣчно будетъ тополь длинный
Холить траурную тѣнь.
Въ сказкѣ счастья паутинной
Разъ былъ день, и умеръ день.

ТѢ ЖЕ.

Тѣ же дряхлыя деревни,
Сѣрый пахарь, тощій конь.
Этотъ сонъ уныло-древній
Легкимъ говоромъ не тронь.

Лучше спой здѣсь заклинанье,
Или молви заговоръ,
Чтобъ окончилось стенанье,
Чтобъ смягчился давній споръ.

Эта тяжба человѣка
Съ неуступчивой землей,
Гдѣ рабочій, какъ калѣка,
Маетъ силу день деньской.

Годъ изъ года здѣсь невзгода,
И бѣда изъ вѣка въ вѣкъ.
Здѣсь жестокая природа,
Здѣсь обиженъ человѣкъ.

Этимъ людямъ злое снится,
Разумъ ихъ затянутъ мхомъ,
Спитъ, и развѣ озарится,
Ночью, краснымъ пѣтухомъ.

ТОСКА.

По угламъ шуршатъ кикиморы въ дому,
По лѣсамъ глядятъ шишиморы во тьму.
Въ тѣхъ — опара невзошедшая густа,
Эти — бѣлыя, туманнѣе холста.

Клѣть встревожена, чудитъ тамъ домовой,
Ужъ доложено, — молъ, будешь самъ не свой.
Не уважили, нехватка овсеца,
И попляшетъ вашъ коняга безъ конца.

Челку знатно закручу ему винтомъ,
И надъ гривой пошучу и надъ хвостомъ.
Утромъ глянете, и — какъ бѣдѣ помочь: —
Лошадь въ мылѣ, точно ѣздила всю ночь.

Въ поле выйдешь, такъ бы вотъ и не глядѣлъ.
Словно на смѣхъ. И надѣлъ — какъ не надѣлъ.
На околицѣ два бѣса подрались,
Двѣ гадюки подколодныя сплелись.

А придетъ еще отъ лѣшаго тоска,
Хватишь водки на четыре пятака.
Ну, шишиморы, пойду теперь въ избу,
Ну, кикиморы, въ избѣ какъ есть въ гробу.

ПОГОРѢЛИ.

Голодали. Погорѣли.
Въ блѣдномъ тѣлѣ крови нѣтъ.
Завертѣлись мы въ мятели,
Въ воѣ взвихренныхъ примѣтъ.

Мы, остывшіе, блуждали
Вдоль замерзшихъ деревень.
Видишь вьюгу въ снѣжной дали?
Это нашъ посмертный день.

Голодая, мы заснули.
Былъ напрасенъ крикъ: „Горимъ!"
Дымъ и пламень, въ дикомъ гулѣ,
Пепломъ кончились сѣдымъ.

Голодать ли? Погорѣть ли?
Лучше-ль? Хуже-ль? Все равно.
Изъ чего ни свей ты петли,
Жалкимъ гибнуть суждено.

Отгорѣла гарь недуга.
Пламень гибнущихъ пожралъ.
Вотъ намъ вольно. Вьюга! Вьюга!
Пляшетъ снѣжно старъ и малъ.

Часъ и твой придетъ послѣдній.
Дай, богатый. Сыпь хоть мѣдь.
Не откупишься обѣдней.
Нужно будетъ умереть.

ПРИ МОРѢ ЧЕРНОМЪ.

При Морѣ Черномъ стоятъ столбы.
Столбы изъ камня. Число ихъ восемь.
Приходятъ часто сюда рабы.
И сонмы юныхъ несутъ гробы.
Блѣднѣютъ зимы. И шепчетъ осень.

Порой и звѣри сюда дойдутъ.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуютъ. Что дѣлать тутъ?
Пойдутъ, забродятъ, и упадутъ,
Уставъ стремиться, уставъ кружиться.

При Морѣ Черномъ стоятъ столбы.
Отъ дней додневныхъ. Число ихъ грозно.
Число ихъ вѣще межъ числъ Судьбы.
И ихъ значенье на крикъ мольбы: —
Навѣкъ. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ПОСЛѢ БУРИ.

Зеленовато-желтый мохъ
На чуть мерцающей берестѣ.
Паденье малыхъ влажныхъ крохъ,
Дождей отшедшихъ слабый вздохъ,
Какъ будто слезы на погостѣ.

О, этихъ пиршественныхъ бурь
Въ вѣтрахъ сметаемыя крохи!
Кривой плетень. Чертополохи.
Вся въ этомъ Русь! И въ кроткомъ вздохѣ,
Самъ говорю себѣ: Не хмурь
Свой тайный ликъ. Молчитъ лазурь.
Но будетъ! Вновь мы кликнемъ громы,
И, въ небѣ рушась, водоемы,
Дождями ниву шевеля,
Вспоятъ обильныя поля.

ЮРОДИВЫЙ.

Есть глубинное юродство
Голубиной чистоты,
Человѣка съ звѣремъ сходство,
Слитье въ цѣльность я и ты.
Всѣ со мною, все со мною,
Солнце, Звѣзды и Луна,
Міръ я въ Церковь перестрою,
Гдѣ душѣ всегда слышна
Псалмопѣвчества струна.

Былъ одинъ такой прохожій
Схваченъ. „— Кто ты?“ — „Божій сынъ“.
„— Песій сынъ?“ — „И песій тоже“.
Въ этомъ краѣ Господинъ
Порѣшилъ, что онъ безумный.
Отпустили. И во всѣхъ,
Средь толпы бездушно-шумной,
Вызывалъ слѣпой онъ смѣхъ.

Вотъ мужикъ надъ жалкой клячей
Измывается кнутомъ.
Тотъ къ нему: — „А ты-бъ иначе.
Подобрѣй бы со скотомъ“.
„— Ты подальше, сынъ собачій,“
Разсердившійся сказалъ.
Тотъ, лицомъ припавши къ клячѣ,

Вдругъ одну оглоблю взялъ.
И промолвилъ: — „Кнутъ нестрашенъ.
Что-жъ, хлещи ужъ и меня.
Для телѣгъ мы и для пашенъ.
А тебѣ-то ждать огня“.
И хлеставшій, удивленный,
Лошадь больше не хлесталъ.
Юродивый же, какъ сонный,
Что-то смутное шепталъ.
„— Если Богъ — Отецъ превышній,
Всѣ мы дѣти у Отца.
Въ Домѣ всѣ, никто — не лишній.
Черви сгложутъ мертвеца.
Безъ червей намъ быть неможно,
Смерть придетъ, и жизнь придетъ.
Въ мірѣ шествуй осторожно,
Потому что пламень ждетъ.
Хоть червя здѣсь кто обидитъ,
Побывать тому въ Аду.
Кто же міръ, какъ правду, видитъ,
Въ сердце приметъ онъ звѣзду.
Онъ съ огнемъ въ душѣ здѣсь въ мірѣ,
Согрѣвая всѣхъ другихъ,
Смотритъ зорче, видитъ шире,
И поетъ, какъ птица, стихъ.
Если спросятъ: — Кто вамъ предки? —
Молвимъ: — Волны предки намъ,
Камни, звѣри, птицы, вѣтки.
Ходитъ вѣтеръ по струнамъ,
Дождь скопляется на камнѣ,

Птицѣ есть испить чего.
Сила вѝдѣнья дана мнѣ
Всюду вижу — Божество".

Такъ ходилъ тотъ юродивый
По базарамъ межъ слѣпыхъ,
Въ сѣромъ рубищѣ — красивый,
Вѣчно добрый — между злыхъ.
Шла за нимъ вездѣ собака,
Съ нею жилъ онъ въ конурѣ.
И вѣщалъ: — „Вкусивши мрака,
Всѣ проснемся мы въ зарѣ".

СКИѲЪ.

Мѣрю степь единой мѣрою,
Бѣгомъ быстраго коня.
Прахъ взмету, какъ тучу сѣрую.
Гдѣ мой врагъ? Лови меня.

Степь — моя. И если встрѣтится
Скиѳу житель чуждыхъ странъ,
Кровью грудь его отмѣтится,
Палъ — и строй себѣ курганъ.

У меня — броня старинная,
Мечъ прямой и два копья,
Тетива на лукѣ длинная,
Стрѣлъ довольно. Степь — моя.

Ликъ коня, прикрытый бляхами,
Блескомъ грифовъ, птицъ и змѣй,
Ослѣпитъ огнемъ и страхами
Всѣхъ враговъ меты моей.

А мета моя — высокая
Византійская княжна,
Черноокая, далекая,
Будетъ мнѣ мечомъ дана.

Полетимъ какъ два мы сокола.
Звонъ бубенчиковъ, трезвонь.
Кто вдали тамъ? Кто здѣсь около?
Прочь съ пути! Огонь не тронь.

ТОСКА СТЕПЕЙ.

(Полонянка степей Половецкихъ).

Звукъ зурны звенитъ, звенитъ, звенитъ, звенитъ,
Звонъ стеблей, ковыль, поетъ, поетъ, поетъ,
Серпъ временъ горитъ, сквозь сонъ, горитъ, горитъ,
Слезный стонъ ростетъ, ростетъ, ростетъ, ростетъ.

Даль степей, не мигъ, не часъ, не день, не годъ,
Ширь степей, но нѣтъ, но нѣтъ, но нѣтъ путей,
Тьма ночей, нѣмой, нѣмой тотъ звѣздный сводъ,
Ровность дней, въ нихъ зовъ, но чей, но чей, но чей?

Мать, отецъ, гдѣ всѣ, гдѣ всѣ — семьи моей?
Сонъ весны — блеснулъ, но спитъ, но спитъ, но спитъ,
Даль зоветъ, за ней, зоветъ, за ней, за ней,
Звукъ зурны звенитъ, звенитъ, звенитъ, звенитъ.

СТЕПНОЙ ВѢТЕРЪ.

Вѣтеръ жгучій и сухой
Налетаетъ отъ Востока.
У него какъ уголь око,
Желтый ликъ, весь обликъ злой.
Одѣвается онъ мглой,
Убирается песками,
Издѣвается надъ нами,
Гаситъ Солнце, и съ Луной
Разговоръ ведетъ степной.

Гдѣ-то липа шепчетъ къ липѣ,
Вздрогнетъ въ ладъ узорный кле́нъ.
Здѣсь просторъ со всѣхъ сторонъ,
На песчаной пересыпи
Только духу внятный звонъ: —
Не былинка до былинки,
А песчинка до песчинки,
Здѣсь растенья не ростутъ,
Лишь пески узоръ плетутъ.

Ходитъ вѣтеръ, жжетъ и сушитъ,
Мысли въ жаркой полутьмѣ.
Ходитъ вѣтеръ, мучитъ души,
Тайну будитъ онъ въ умѣ.

Говоритъ о невозвратномъ,
Завлекая за курганъ,
Къ пѣснямъ воли, къ людямъ ратнымъ,
Что раскинули свой станъ
Въ посмѣянье вражьихъ странъ.

Желтоликій, хмуритъ брови,
Закрутилъ воронкой прахъ,
Повѣсть битвы, сказку крови
Ворошитъ въ сѣдыхъ пескахъ.
Льнетъ къ землѣ какъ къ изголовью,
Зноемъ носится въ степи.
Подѣлись своею кровью,
Степь намъ красной окропи!
Вотъ въ песокъ, шуршащій сухо,
Ножъ я, въ замыслѣ моемъ,
Вверхъ втыкаю лезвіемъ.
Ужъ уважу злого духа!
Вмѣстѣ пѣсню мы споемъ.
Кто-то мчится, шепчетъ глухо,
Дышитъ жаромъ, и глаза
Норовитъ засыпать прахомъ,
Укусилъ огнемъ и страхомъ,
Развернулся какъ гроза.
Разметался, умалился,
Съ малой горстью праха слился,
Сѣетъ, сѣетъ свой посѣвъ,
Очи — свѣчки, смерчемъ взвился,
Взвизгнулъ, острый ножъ задѣвъ.
И умчался, спѣшный, зыбкій,

Прочь за степи, въ печь свою.
Я-жъ смотрю, со злой улыбкой,
Какъ течетъ по лезвiю
Кровь, что кровь зажгла мою.

НА СИНЕМЪ МОРѢ.

Есть свѣтлое Синее Море.
На свѣтломъ на Синемъ на Морѣ
Есть Островъ, на Островѣ Камень,
И Островъ и Камень тотъ — синь.
На Камени въ синей одеждѣ,
Сидитъ Человѣкъ бѣлоликій,
И лукъ у него безтетивный,
Лукъ синій для синихъ пустынь.

И синей стрѣлою безъ перьевъ
Стрѣляетъ онъ въ притчи, въ призоры,
Во всякую нечисть, въ притворства,
Въ тѣлесный и въ думный изломъ.
Въ Серебряномъ Морѣ напротивъ,
Серебряный Островъ и Камень,
Серебряный кто-то на Камнѣ.
Ему отвѣчаетъ какъ громъ.

Ему подпѣваетъ пособно,
Стрѣла за стрѣлой улетаетъ,
Надъ дивной Рѣкой поперечной
Огонь разростается синь.
Такъ сгиньте же ковы, призоры,
Разсѣйтесь вы, притчи и чары,
Я стрѣлы вамъ здѣсь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО.

Корнями гнѣздится глубоко,
Вершиной восходитъ высоко,
Зеленыя вѣтви уводитъ въ лазурно-широкую
даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ,
Вершиной восходитъ къ высокой скалѣ,
Зеленыя вѣтви уводитъ широко въ безмѣрную
синюю даль.
Корнями гнѣздится глубоко въ землѣ, и въ без-
смертномъ подземномъ огнѣ,
Вершиной восходитъ высоко-высоко, теряясь
свѣтло въ вышинѣ,
Изумрудныя вѣтви въ расцвѣтѣ уводитъ въ бирю-
зовую вольную даль.
И знаетъ веселье,
И знаетъ печаль.
И отъ Моря до Моря раскинувъ свои ожерелья,
Колыбельно поетъ надъ умомъ, и уводитъ мечта-
ніе въ даль.

Дѣвически вспыхнетъ красивой калиной,
На кладбищѣ горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно какъ дубъ вѣковой.
Качаясь и радуясь свисту мятели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится съ желтой совой.

Осиною тонкой какъ духъ затрепещетъ,
Березой засвѣтитъ, березой заблещетъ.
Серебряной ивой заплачетъ листвой.
Какъ тополь, какъ факелъ пахучій, возстанетъ,
Какъ липа іюльская умъ затуманитъ,
Шепнетъ звѣздоцвѣтно въ ночахъ какъ сирень.
И яблонью цвѣтъ свой разсыплетъ по саду,
И вишеньемъ ластится къ дѣтскому взгляду,
Черемухой нѣжитъ душистую тѣнь.
Раскинетъ рѣзьбу изумруднаго клена,
И долгою пѣсней зеленаго звона
Чаруетъ дремотную лѣнь.

Въ вешней рощѣ, вдоль дорожки,
Ходитъ легкій вѣтерокъ.
На березѣ есть сережки,
На бѣлянѣ сладкій сокъ.

На березѣ бѣлоствольной
Бьются липкіе листки.
Надъ рѣкой весенней, вольной,
Зыбко пляшутъ огоньки.

Надъ рѣкою, въ часъ разлива,
Духъ узывчивый бѣжитъ.
Ива, ива такъ красива,
Тонкимъ кружевомъ дрожитъ.

Слышенъ голосъ ивы гибкой
Какъ русалочій напѣвъ,

Какъ протяжность сказки зыбкой,
Какъ улыбка водныхъ дѣвъ: —

Срѣжь одну изъ вѣтокъ стройныхъ,
Освяти мечтой Апрѣль,
И какъ Лель, для безпокойныхъ,
Заиграй, запой въ свирѣль.

Не забудь, что возлѣ Древа
Есть кусты и есть цвѣтки,
Въ зыбь свирѣльнаго напѣва
Всѣ запутай огоньки.

Всѣ запутай, перепутай
Нашъ славянскій цвѣтъ весной,
Будь пѣвучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все ростетъ зеленый звонъ
И сонъ въ душѣ поетъ: —
У насъ въ поляхъ есть нѣжный ленъ,
И любъ-трава цвѣтетъ.
У насъ есть папороть-цвѣтокъ,
И перелетъ-трава.
Небесно-радостный намекъ,
У насъ есть синій василекъ,
Вся нива имъ жива.
Есть подорожникъ, есть дрема,
Есть ландышъ, первоцвѣтъ.
И нѣтъ цвѣтовъ, гдѣ злость и тьма,

И мандрагоры нѣтъ.
Нѣтъ тяжкихъ кактусовъ, агавъ,
Цвѣтовъ глядящихъ какъ удавъ,
Кошмаровъ естества.
Но есть ромашекъ нѣжный свѣтъ,
И сладкихъ кашекъ есть расцвѣтъ,
И есть плакунъ-трава.
А нашъ плѣнительникъ долинъ,
Свѣтящій нѣжный нашъ жасминъ,
Не это-ль красота?
А сну подобные цвѣты,
Что безымянны какъ мечты,
И странны какъ мечта?
А нашихъ лилій водяныхъ,
Какой восторгъ замѣнитъ ихъ?
Не нужно ничего.
И самыхъ пышныхъ орхидей
Я не возьму за сѣть стеблей
Близъ Древа моего.

Не все еще вымолвилъ голосъ свирѣли,
Но лишь не забудемъ, что круглый намъ годъ,
Отъ ивы къ березѣ, отъ вишенья къ ели,
Зеленое Древо цвѣтетъ.

И туча протянется, съ молніей, съ громомъ,
Какъ дьявольскій омутъ, какъ вѣдьмовскій сглазъ,
Но Древо есть теремъ, и этимъ хоромамъ
Нѣтъ гибели, вѣченъ ихъ часъ.

Свѣжительны бури, рожденье въ нихъ чуда,
Колодецъ, криница, коверъ-самолетъ,
И вѣчно намъ, вѣчно, какъ сонъ изумруда,
Славянское Древо цвѣтетъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

MODERN SKÖNLITTERATUR

BALMONT. GAMAJUN

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СѢВЕРНЫЕ ОГНИ»

Редакція и контора: Klara Västra Kyrkogata 9.
Почтовый адресъ: Postfack 566; для телеграммъ: Esselte.

STOCKHOLM

A.-B. Hasse W. Tullbergs Boktryckeri, Stockholm 1921.
Типо-литографія Акц. о-а Хассе В. Тульбергъ, Стокгольмъ.

